

ДЖ. С. МИЛЛЬ О ГРАНИЦАХ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА В ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ПРИ СИСТЕМЕ LAISSEZ-FAIRE¹

Ю. Н. Кривуц,

к.э.н, доцент

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

meo_1@ukr.net

Дж. С. Милль вслед за А. Смитом и Д. Рикардо вскрывает основные недостатки теорий меркантилистов, исходивших из признания денег единственным богатством физического лица и государства. Автор «Оснований политической экономии» отстаивает доктрину свободной торговли и вместе с тем подчеркивает разумные границы вмешательства государства в хозяйственную жизнь.

Ключевые слова: теория, меркантилизм, доктрина, свободная торговля, вмешательство, государство, хозяйство

ДЖ. С. МИЛЛЬ ПРО МЕЖИ ВТРУЧАННЯ ДЕРЖАВИ В ГОСПОДАРСЬКЕ ЖИТТЯ ПРИ СИСТЕМІ LAISSEZ-FAIRE

С. Милль услід за А. Смітом і Д. Рікардо розкриває основні недоліки теорій меркантилістів, що виходили з визнання грошей єдиним багатством фізичної особи і держави. Автор «Підстав політичної економії» відстоює доктрину вільної торгівлі і в той же час підкреслює розумні кордони втручання держави в господарське життя.

Ключові слова: теорія, меркантилізм, доктрина, вільна торгівля, втручання, держава, господарство

J. S. MILL' ON THE LIMITS OF STATE INTERVENTION IN ECONOMIC LIFE UNDER A SYSTEM OF LAISSEZ-FAIRE

Dzh. S. Mill' after A. Smitom and D. Rikardo unseals the basic lacks of theories of mercantilisms, comings from confession of money the unique riches of physical person and state. The author of «Grounds of political economy» defends the doctrine of free trade and at the same time underlines the reasonable scopes of intervention from the state in economic life.

Key words: theory, merkantelizm, doctrine, free trade, interference, state, economy

...никакой трактат... не в состоянии рассмотреть или хотя бы перечислить все... причины, но в каждом из них предпринимается попытка изложить в максимально полном объеме уже известные законы и принципы, на основании которых они действуют.

Д. С. Милль

Постановка проблеми. Несмотря на пестроту национальных экономик как продукта неравно- великого их развития, идеи свободной торговли оживленно обсуждаются в обществе. Вместе с тем, все понимают невозможность реализации проекта в планетарном масштабе. Положения доктрины, противоположной протекционистской, с той или иной степенью полноты используются при создании разного рода экономических объединений (союзов) и свободных экономических зон с льготными налоговыми, таможенными и иными режимами.

Отечественная и зарубежная литература весьма обстоятельно излагает сущность и отличительные особенности, преимущества и недостатки двух основных идеологий внешней торговли. К сожалению, наблюдения и построения, выводы и рекомендации Дж. С. Милля не привлекли внимания исследователей: акцент был сделан на анализе его конструкций, связанных с производством и распределением материальных благ, а также ролью и значением денег.

Цель настоящей статьи — раскрыть понимание единомышленником А. Смита и Д. Рикардо «основания и границ системы laissez-faire, или принципа невмешательства» государственного аппарата в производственно-хозяйственную деятельность предпринимательских структур.

Изложение основного материала. В «Предварительных замечаниях» к «Основам политической экономии» Дж. С. Милль раскрывает сущность и особенности меркантилизма как экономической политики государства. «...вся политика государства гласно или негласно основывалась на посылке, что богатство составляют только деньги или драгоценные металлы, которые, если они еще и не выступают в форме денег, можно прямо превратить в деньги», — отмечает автор сочинения и продолжает: «Согласно распространенным тогда теориям, все, что способствует накоплению в стране денег или слитков драгоценных металлов, обогащает ее» [1, с. 82]. Вывоз из страны денег и драгоценных металлов делает ее беднее. Чтобы страна становилась богаче, следует заботиться о притоке денег и сплавов золота и серебра. «...единственная отрасль хозяйства, которая может ее обогатить, — это внешняя торговля», — считали меркантилисты. Отсюда — поддержка и поощрение ими экспорта, даже обременительного для реальных ресурсов страны, и сдерживание импорта, исключение составляли лишь те товары, которые можно было с прибылью реэкспортировать. И еще одно исключение: сырые материалы и оборудование для собственных промышленных отраслей, производящих товары на экспорт с меньшими издержками. Мировая

¹ Невмешательство правительства в экономическую деятельность народа — Ю. Н.

торговля превращается в механизм, отбирающий деньги и драгоценные металлы у одних стран и передающий эти богатства другим государствам.

В эпоху торжества меркантилистских воззрений подобная ситуация считалась единственно возможной и правильной, но в последующем «становится... очевидным абсурдом, что трудно даже вообразить, как можно было вообще... в подобное поверить. Так произошло и с теорией, согласно которой деньги служат синонимом богатства» [1, с. 83]. Такое могло произойти только тогда, когда получили распространение определенные приемы характеристики и анализа экономических явлений, предложенные А. Смитом и его толкователями, в частности Дж. С. Миллем. Последний согласен с включением в богатство какого-либо лица не только фактически имеющегося у него денег, но и всех других предметов, обладающих ценностью: их можно продать, получив некоторое количество денег. «Важно также, что люди не становятся богаче, когда держат свои деньги без употребления», подобно пушкинскому Скупому рыцарю. Деньги, если хочешь получить их рост, должны находиться в движении, чтобы получать на них прибыль, должно быть готовым их расходовать. Пример тому — сфера обращения. «Те кто, обогащается посредством торговли, достигает этого, отдавая деньги за товары и отдавая товары за деньги... человек, покупающий товары с целью наживы, совершает такую куплю с тем, чтобы снова их продать..., рассчитывая получить за них больше..., чем сам отдал» [1, с. 84]. Или: $D \rightarrow T, T \rightarrow (D + \Delta D)$, где ΔD — торговая прибыль, она ведет к росту капитала.

Не обязательно покупатель расплачивается живыми деньгами — наличными или безналичными. Подчас погашают приобретенное стоимостью других товаров. Продавец «принимает их по денежной стоимости в надежде в дальнейшем выручить за них большую сумму, чем та, в которую они были оценены, когда их брали. Лишь отходя от дел, торговец все обращает в деньги: только деньги составляют богатства, а «другие ценности, которые можно обратить в деньги, служат лишь средством для... достижения» конечной цели [1, с. 84].

Но «смешивать деньги с богатством — значит совершать такую же ошибку, как смешивать шоссе, представляющее самый удобный путь к вашему дому или полям, с самим домом или полем», — констатирует Дж. С. Милль и объясняет почему: «Деньги... справедливо считают богатством, но и все другое, что служит для удовлетворения человеческих потребностей и что природа не отдает без приложения труда, также составляет богатство. Быть богатым — значит обладать большим количеством полезных предметов или денег...» [1, с. 87].

Несколько далее автор «Основ политической экономии» пишет: «...богатство можно определить как понятие, охватывающее все полезные или приятные вещи, которые об — ладают меновой стоимостью, или, иными словами, все полезные или прият-

ные вещи, за исключением тех, которые в желательном количестве можно приобрести без затрат труда или принесения чего-либо в жертву» [1, с. 91].

Вслед за А. Смитом и Д. Рикардо последний классик английской экономической науки развенчивает базовое положение теории меркантилистов «богатство — это деньги» и предлагает принципиально иные пути, способы и методы роста богатства «отдельного лица, страны или человечества в целом».

Дж. С. Милль обращает внимание на роль конкуренции, которая стала сравнительно недавно принципом «в сколько-нибудь значительной степени, регулирующим соглашения экономического характера... Свобода конкуренции — пустой звук...; здесь всегда есть господин, ...предписывающий условия по своему желанию» [1, с. 395]: он диктует масштаб цен. Лучшим методом развертывания собственного и прежде всего крупного дела «является подрыв позиций конкурентов посредством продажи товаров по более низким ценам» [1, с. 400] за счет снижения издержек производства, сокращения транспортных расходов и т. п. Предприниматели всегда найдут и будут использовать различные средства, чтобы «сделать неудобным или неприятным положение» конкурента. В этом смысле «конкуренция действительно дает свои известные и естественные эффекты во всех случаях, когда ее действие не ограничено каким-либо... препятствием». Автор главы «О конкуренции и обычае» анализируемого произведения призывает во избежание ошибок «учитывать не только то, что произойдет при воображаемом условии господства конкуренции, но и то, насколько изменится результат, если господство конкуренции будет неполным» [1, с. 401].

«Продажа по пониженным ценам» (*underselling*) — не столько лозунг, сколько требование эпохи меркантилизма. Продать товар дешевле, чем продают его другие, и не позволить им сбивать свою цену — коммерческий дух и смысл времени и результат торгового соперничества.

На рынке представлены не только отдельные торговцы, но нации с противоположными экономическими интересами, являясь конкурентами, в других ситуациях они «в более выгодных взаимоотношениях: покупают товары друг у друга». Выгода торговли не в продаже товаров как таковых, а в обмене (на платной основе) одних на другие «... поскольку продажа товаров служит средством приобретения покупаемых товаров, нация лишается действительной выгоды торговли — импорта, если не сумеет побудить другие нации взять какие-либо ее товары в обмен; и в той степени, в какой конкуренция других стран заставит ее продавать свои товары дешевле под угрозой вообще их не продать, импорт, получаемый от внешней торговли, обходится ей дороже», — отмечает Дж. С. Милль в главе «О конкуренции между странами, выступающими на одном рынке». И далее автор формулирует два основных условия, позволяющих стране продавать свои товары дешевле

ле, чем соперники. Во-первых, такая страна «должна обладать известным преимуществом в производстве экспортируемого товара не обязательно в абсолютном, но сравнительном отношении, как предлагал Д. Рикардо. Во-вторых, «соотношение спроса этой страны и страны, покупающей у нее, и соответственно соотношение интернациональных стоимостей (эта теория разработана самим Дж. С. Миллем — Ю. К.) между этими странами должны быть такими, чтобы покупающая страна получала больше полной торговой выгоды, получаемой страной, конкурирующей с первой; в противном случае конкурирующая страна сможет удержаться на рынке», хотя соперника желательно в конечном счете вытеснить с данного рынка [1, с. 461].

Ход рассуждений и — главное — конечный результат борьбы конкурентов в книге иллюстрируется условным примером торговли сукном и полотном между Англией и Германией.

Англия способна с одинаковыми издержками производить 10 ярдов сукна или 15 ярдов полотна, а Германия с такими же издержками — 20 ярдов полотна. Товары обмениваются между этими странами в пропорции 10:17. Германия не может быть вытеснена с английского рынка, если конкурирующая страна предложит больше 20 ярдов полотна за 10 ярдов сукна. В противном случае Германия будет вынуждена платить дороже за сукно, но сохранит возможность экспортировать полотно. Германия покинет английский рынок лишь тогда, когда страна-конкурент сможет производить полотно с меньшими, чем Германия, издержками по отношению к полотну. Более того, соперник должен иметь такой спрос на сукно и иные товары английского производства, который заставит предоставлять Англии большую выгоду, нежели Германия, даже полностью отказавшись от своей выгоды — 21 к 10. Если спрос опустится 18:10, у Германии возникнет шанс включиться в конкурентную борьбу. При соотношении 19:10 обе страны сохранят позиции. Англия сможет продавать столько полотна, сколько необходимо для покупки сукна или других продуктов импортного производства. Англию как экспортера сукна с германского рынка может вытеснить страна, которая имеет преимущества в производстве сукна и предлагает 10 ярдов сукна не просто меньше, чем за 17, но меньше чем за 15 ярдов полотна. В такой ситуации Англия может нести убытки, она теперь вынуждена поставлять Германии больше сукна за меньшее количество полотна, чем было ранее. Пострадают те, кто приобретает импортные товары: цены выросли, их доходы упали.

Вне сомнения, подчеркивает Дж. С. Милль, цена товара непосредственно зависит от издержек производства, органической составляющей которых выступает заработная плата. Более низкая заработная плата позволяет конкурентам продавать товар по более низким ценам, тесня, а подчас вытесняя соперников, выдвигаясь в лидеры — олигополисты

или даже монополисты. «Если в некоторых отраслях, работающих на экспорт, искусственно или причинами случайного характера поддерживается более низкий уровень заработной платы, или в общем по стране, это действительно даст преимущества на внешних рынках», — заключает Дж. С. Милль и добавляет: «Уменьшаются сравнительные издержки производства этих товаров по отношению к другим товарам, а это дает такой же эффект, как если бы их производство требовало меньше труда» [1, с. 464]. Расходимость товаров с низкой ценой выше, чем с высокой, это так важно для роста объемов экспорта. Дж. С. Милль разделяет это утверждение меркантилистов и вместе с тем замечает, что широко распространенная теория «считает, что выгода торговли вытекает из экспорта, как будто выигрыш страны состоит не в том, что она получает, а в том, что отдает в процессе международной торговли. Увеличившийся рынок для продукции страны — обильное потребление ее товаров, — сбыт для излишков ее товаров, вот те фразы, с помощью которых принято определять выгоды и преимущества торговли с зарубежными странами... В действительности эта точка зрения..., согласно которой деньги считались единственным богатством, а продажа, другими словами — обмен товаров на деньги, представлялась... единственным способом увеличения богатства. В то же время импорт товаров, т. е. отдача денег, по этим взглядам, равносильна уменьшению богатства» [2, с. 341].

Автор «Основ политической экономии» осуждает всех, кто придерживается такого мнения, даже своего великого предшественника А. Смита, представления которого «о выгоде международной торговли сводятся к тому, что внешняя торговля открывает сбыт для избыточного продукта страны и дает возможность прибыльного воспроизводства части национального капитала» [2, с. 341]. Это можно прочесть так: если произведенная часть продукта нигде не находит потребления, страна несет прямые убытки; если непотребляемую часть продукта не производить, то «соответствующий ей капитал останется незанятым и пропорционально этому уменьшится вся масса продуктов страны» [2, с. 342]. Каждое из предположений, считает Дж. С. Милль, ошибочно, поскольку страна производит товар для экспорта сверх своих потребностей. Более того «если бы страна не экспортировала этот избыток, его производство прекратилось» и, не имея эквивалента для обмена, прекратила бы импорт. Естественно, факторы производства, занятые в изготовлении экспортных товаров, нашли бы себе применение при производстве товаров, ранее ввозившихся из-за рубежа (при невозможности изготовления таких материальных благ можно было освоить вещи-заменители в большинстве случаев с более высокими издержками).

Все происходящее в стране не остается вне поля зрения правительства «...иногда приходится слышать, что деятельность правительства, — читаем в «Основах политической экономии»

Дж. С. Милля, — должна ограничиваться предоставлением защиты от насилия и обмана и что, за исключением этих двух случаев, люди должны оставаться свободными, способными заботиться сами о себе, и что, пока лицо не совершает никакого насилия или обмана в ущерб другим лицам или их собственности, до тех пор ни законодательная власть, ни правительство никоим образом не должны касаться его» [2, с. 146 — 147]. По мнению автора труда, функции правительства многообразны. Это — и регулирование исследования, и принуждение к выполнению условий договора, и назначение лиц для решения и прекращения споров, и монополистическая чеканка монет, и установление в законодательном порядке стандартных мер и весов и т. д. Но «Есть вещи, в которые правительство не должно вмешиваться», поскольку такое вмешательство «сказывается неблагоприятным образом» на реалиях жизни. Чаще всего такое наблюдается тогда, когда «основывается на ложных взглядах на объект вмешательства». И далее Дж. С. Милль дает обзор различных «ложных (меркантилистских — Ю. К.) теорий, которые время от времени служили правительству основой для действий более или менее вредных с экономической точки зрения» [3, с. 305].

Наиболее жесткой и пагубной явилась теория защиты отечественного товаропроизводителя от иностранного фабриканта системой полного запрещения и сокращения объемов импорта с помощью высоких пошлин прежде всего на товары, которые могут производиться внутри страны. Международная же практика не только не подтверждает, а, наоборот, опровергает такую теорию. В условиях обычной торговли импорт зарубежных товаров происходит только тогда, когда он выгоден: он дешевле или лучшего качества.

Меркантилисты допускали исключения из общего правила. Это касалось материалов и орудий труда: их беспрепятственно ввозили и запрещали вывозить «с тем, чтобы промышленники, получая все необходимое для производства по более низкой цене, могли продавать товары дешевле, а следовательно, и экспортировать их в большем количестве».

Такова же причина разрешения и даже поощрения импорта из государств, которые являются потенциальными экспортерами английских товаров, скажем, сукна и металла.

В ту же систему входило создание заморских колоний и территорий, откуда в метрополию ввозилось дешевое сырье, и куда вывозилась дорогая готовая продукция. «Страна, обеспечивающая себе таким образом дополнительный спрос на свои товары за рубежом, несомненно, получает определенные преимущества при распределении общих выгод торгового мира. Но этим она вынуждает промышленность и капитал колоний свернуть с путей, без сомнения наиболее производительных в силу того, что к ним спонтанно стремятся промышленность и капитал. Следовательно, налицо ущерб,

наносимый производительным силам мира, а метрополия выигрывает меньше того, что по ее вине теряет колония» [3, с. 317].

Не было ничего необычного в предоставлении экспортных премий тем, кто наращивал объемы вывоза, обогащая страну, и поощрения иностранцев, покупающих сравнительно дешевые английские товары (искусственная дешевизна покрывалась налоговыми поступлениями).

Время такой системы прошло. «От принципов теории меркантилизма отказались» многие правительства, хотя «в отдельных частных случаях» учение о протекционизме находит поддержку». «В ходе дискуссии о хлебных законах широкое распространение получил довод относительно того, что мы не должны зависеть от иностранцев в снабжении народа продовольствием, а законы навигации теоретически и практически основывались на необходимости содержать «питомник моряков» для флота», — отмечал Дж. С. Милль в главе «О государственном вмешательстве, основывающемся на ошибочных теориях» «Основ политической экономии» [3, с. 310]. И далее автор раскрывает реалии хозяйственной жизни, связанные с вышеизложенными положениями. Нельзя порицать народ, как и отдельное лицо, за сокращение или прекращение экспорта продуктов питания, в частности зерна, при нехватке в стране-производителе. Никто не должен голодать ради того, чтобы накормить других. «Но если бы конечной целью... международных отношений было достижение наибольшего блага для человечества в целом, подобная... скарденность, наверное, встретила бы осуждение» [3, с. 311]. Пусть торговля продовольствием не знает никаких ограничений. В таких условиях цена на продукты в разных странах отличалась бы на величину транспортных расходов прежде всего. Допустим, что неурожай охватывает все страны, правда, в неодинаковой степени. Если в какой-то стране цена возросла больше, чем в других, это означает, что пагубное явление в этой стране ощущается острее по сравнению с другими странами. При возможности ввезти продовольствие из-за рубежа будет выбрана такая страна, где «существует менее настоятельная необходимость в нем». Свободный импорт представляется наиболее желательным, хотя для экспорта в определенной ситуации может оказаться невыгодным (не исключено в будущем не только восполнить сегодняшние потери, но и получить выгоду от свободной торговли).

Дж. С. Милль категорически осуждает институт импортной пошлины, «поскольку он препятствует ввозу» необходимых материальных благ. Вместе с тем, автор «Основ политической экономии» не исключает использование этой протекционистской меры для создания благоприятных условий для становления перспективных и прежде экспортноориентированных отраслей промышленности. Но ни один предприниматель даже не смеет рассчитывать на покровительство сверх того времени, какое необходимо для утверждения нового бизнеса «...введение времен-

ной покровительственной пошлины может оказаться иногда полезной в экономическом отношении, однако при условии, что время ее действия будет строго ограничено и будут предусмотрены меры ее постоянного сокращения к концу установленного срока», — констатирует Дж. С. Миль. — «Подобная временная защита по сути своей аналогична действию патента» [3, с. 314–315], предоставляющего исключительное право только юридическому или физическому лицу (патентообладателю) использования решения (разрешения, когда речь идет о покровительственной пошлине — Ю. Н.) в определенном временном интервале, оговоренном правительственным органом.

Неоднократно создатель «Основ политической экономии» возвращается к проблеме искусственной монополии, порожденной и поддерживаемой государством. «Предоставить монополию одному производителю или торговцу или группе производителей или торговцев... значит предоставить им право облагать общество», повышать цены «в свою пользу» и в ущерб населению страны [3, с. 325–326]. Если правительство заинтересовать (а оно должно быть заинтересовано) не только в защите своих граждан, но и в росте их благополучия, то оно будет бороться с искусственными монополиями и стремиться к ограничению деятельности искусственных монополий, в частности за счет поставок из-за рубежа более дешевой и / или качественной такой же продукции или заменителей.

Дж. С. Миль задает вовсе не риторический вопрос: каковы «основания и границы системы *Laissez-faire*, или принципы невмешательства» (именно так автор «Основ политической экономии» назвал одну из глав сочинения), или вмешательства правительства в хозяйственную жизнь? Однозначного ответа, считает создатель «фундаментального труда», пока нет: одни проявляют «достаточно сильную склонность в пользу принципа *Laissez-faire*», другие — вмешательства. «Странники вмешательства довольствовались отстаиванием принудительного права и доказательством обязанности правительства вмешиваться всегда, когда это вмешательство могло бы оказаться полезным; а когда приверженцы так называемой школы *Laissez-faire* пытались установить определенные рамки государственного вмешательства, то они обычно ограничивали его необходимостью защиты личности и собственности от насилия и обмана» [3, с. 338].

Дж. С. Миль предлагает разобраться в «видах вмешательства правительства» в экономические реалии хозяйственного комплекса страны и его органические составляющие. Можно и должно говорить о директивном вмешательстве власти, когда устанавливается контроль за свободными действиями частных лиц (предпринимателей), запрещая всем и каждому делать определенные вещи или делать их без его разрешения, делать те или иные вещи определенным способом или любым наиболее приемлемым.

Представление о работе жесткого механизма вмешательства в фабричную деятельность при прежнем правительстве Франции дает следующий сюжет: «Государство имело самую неограниченную и произвольную власть над фабричной промышленностью. Оно бесцеремонно распоряжалось средствами фабрикантов: правительство решало, кто может работать, какие вещи он может производить, какие материалы надлежит использовать, какой технологии следует придерживаться и какие формы надлежит придавать продуктам...» Приходилось руководствоваться не вкусами потребителей, их спросом, предпочтениями, модой, «а предписаниями закона», не требованиями рынка, а циркулярами властей. За соблюдением последних следили инспекторы, контролеры и прочие, властью на то уполномоченные. Действовал декрет от 30 марта 1700 г., который ограничивал количество городов (18), где можно изготовлять чулки. Декретом от 28 июня 1723 г. предписывалось руанским фабрикантам прекращать производство с 1 июля по 15 сентября, чтобы не отвлекать людей от жатвы.

По свидетельству некоего Ролана, он был очевидцем того, как «срезали ткани с рам, срывали основу с ткацких станков» за то, что делали камлот такой ширины, которая традиционна для Англии и Германии и на которую имеется ограниченный спрос в Испании, Португалии и других странах, а такую в некоторых районах Франции, тогда как французские правила предписывали иную ширину камлота» [3, с. 352].

Помимо директивного, существует, утверждает Дж. С. Миль и другой вид вмешательства органов власти — в центре и на местах: он основан на разработке и выдаче рекомендаций, предоставлении обширной информации о состоянии рынка того или иного товара, производственных возможностях потенциальных соперников и т. д. Такое правительство «предоставляет отдельным лицам свободу действий в достижении полезной для общества цели собственными средствами и, не вмешиваясь в их дела, но и не полностью вверяя их заботам это дело, создает наряду с их учреждениями и свой собственный орган для тех же самых целей» [3, с. 339]. Отсюда, подчеркивает продолжатель идей А. Смита и Д. Рикардо, директивная форма вмешательства правительства весьма ограничена: оно не может и не имеет права переступать границы круга, ограждающего каждого отдельного человека и тем более фабриканта от принуждения, ущемления его свободы, его дела. Именно в этом заключается первое общее возражение против государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность лично и экономически свободного члена общества.

Второе общее возражение против государственного вмешательства заключается в том, что «правительство плохо устроено», не является представителем народа, а отдельных группировок, сословий и классов. Только правительству, сформированному

на демократической основе, можно верить, поскольку такая «власть была бы властью народа над самим собой» [3, с. 342]. Пока сформировать такие властные структуры не представляется возможным, доверие к ним низкое, а подчас и вообще отсутствует.

В-третьих, расширение полномочий правительства, появление дополнительных функций ведет к неисполнению многих обязанностей, проволочкам: «хлопотные и менее эффективные обязанности либо откладываются, либо им не уделяется должного внимания» [3, с. 342]. Естественно, такому исполнительному органу власти нельзя доверять вмешательство, непродуманное и необоснованное, в динамичную по сути и природе экономическую реальность общества. Более того, «во всех просвещенных обществах подавляющее большинство дел исполняется при вмешательстве правительства хуже, чем если бы они исполнялись прямо или косвенно лицами, наиболее заинтересованными в этих делах и предоставленными самим себе»; правительству в промышленных и коммерческих операциях редко удается конкурировать с отдельно взятыми предпринимателями, обладающими необходимой деловой предприимчивостью и средствами [3, с. 346]. Исключая или заменяя частную инициативу, правительство нивелирует или даже устраняет конкуренцию, которая благоприятствует прогрессу. Напрашивается единственно верный вывод: «... большая часть дел общества» должна оставаться «в руках лиц, непосредственно заинтересованных в них» [3, с. 347]. Короче говоря, «laissez faire должно быть общим правилом, и всякое отступление от него, правда, если подобное отступление не вынуждается какой-либо громадной пользой, будет очевидным злом» [3, с. 350]. По общему правилу дела исполняются лучше тогда, когда заинтересованным в них людям предоставляется свобода их выполнения, когда отсутствует стеснения со стороны нормативных актов, действий должностных лиц, когда правительство не предписывает и контролирует, а рекомендует и помогает или хотя бы не мешает.

В определенных ситуациях роль правительства как регулятора неоспорима, например, в образовании, при защите детей и животных, организации благотворительности. По твердому убеждению Дж. С. Милля, исполнительная власть должна «при основании колоний руководствоваться не просто вниманием к частным интересам первооткрывателей, но продуманной заботой о прочном благосостоянии наций.... Вопрос о правительственном вмешательстве в дело колонизации сопряжен с будущими и постоянными интересами самой цивилизации...» [3, с. 375–376]. Поэтому данное предприятие с самого начала подчиняется правилам, выработанным предпринимателями и широко мыслящими законодателями. Они обязаны не только оговорить, откуда выгодно ввозить те или иные товары и куда целесообразно их вывозить, но и как совершать аналогичные акции с капиталом и рабочей силой. Автор «Основ политической экономии» в отличие от меркантилистов, подчеркивает, что «вывоз капитала и рабочей силы в новую страну представляет собой одно из наиболее выгодных коммерческих предприятий; было бы нелепо полагать, что оно не окупит, подобно другим коммерческим предприятиям, расходов на него» [3, с. 378]. Правда, без помощи и содействия правительства здесь не обойтись.

Подводя итог рассуждениям относительно границ применения доктрины Laissez-faire, Дж. С. Милль пишет: «Истинная цель правительства должна состоять в том, чтобы максимально сократить... бесполезную растрату сил. Для этого оно должно принимать меры, которые заставили бы энергию, теперь растрачиваемую... на нарушение чужих интересов или защиту своих интересов от подобных нарушений, обращаться к законному применению человеческих способностей, к тому, чтобы заставлять силы природы все более и более служить материальному и нравственному благу» [3, с. 387–388]. Все это возможно при условии свободы частной экономической деятельности, важного принципа знаменитой системы Laissez-faire.

Литература

1. Милль Дж. С. Основы политической экономии: в 3-х тт /Дж. С. Милль – Т. I. – М. : Прогресс, 1980. – 495 с.
2. Милль Дж. С. Основы политической экономии: в 3-х тт /Дж. С. Милль – Т. II. – М. : Прогресс, 1980. – 480 с.
3. Милль Дж. С. Основы политической экономии: В 3-х тт /Дж. С. Милль – Т. III. – М. : Прогресс, 1981. – 447 с.